

II. ЛИВОНСКИЙ ПОХОД ИОАННА (1577)

Состояние Ливонии в этот момент было весьма печально.

Мы знаем, что еще в 1570 году Иоанн провозгласил королем ливонским на вассальных условиях принца Магнуса, надеясь при помощи такой политической комбинации достичь скорее намеченной цели, а именно утвердиться на берегах Балтийского моря ради торговых и промышленных сношений с Западной Европой. Магнус обязался давать свободный проезд через свои владения иностранным купцам, художникам, ремесленникам и военным людям, направлявшимся в московское государство.

Осуществление этой политической комбинации сильно обрадовало Иоанна: он отпраздновал торжественно возведение Магнуса в короли, выпустил в честь его на свободу всех Немцев, которые находились у него в плену, и обручил своего вассала со своею племянницею Евфимией Владимировной, дочерью кн. Владимира Андреевича².

План создания ливонского королевства можно было привести в исполнение только в той части прежней Ливонии, которая принад-

¹ Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 годах (Военный Журнал, издаваемый Военно-Учебным Комитетом, 1852 год, № 1, стр., 131: «7085 году, февраля в 10-й день, Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, приговорил с сыном своим, с Царевичем Иваном Ивановичем, и со всеми бояры, прося у Бога милости, идти очищать свою отчину Вифлянскую землю, а с ними быти Великому Князю Семиону Бекбулатовичу Тверскому, иным боярам и воеводам, по росписи».

² Соловьев, История России изд. 1894, книг. II, стр. 206; Karl Heinrich von Busse, Herzog Magnus, König von Livland, Leipzig, 1871, S. 55, 76; Th. Schiemann, Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des XVI Jahrhunderts, Mitau, 1877, S. 88; G. Rathlef, Der Fall Wendens (Baltische Monatschrift, Bd. XXXV, S. 393), Г.В. Форстен, Балтийский вопрос, I.



Царь Иван Грозный с воинством.
Деталь иконы Церковь воинствующая. XVI в.

лежала Шведам, ибо с Польшей было заключено перемирие. Иоанн отправил немедля, уже в августе 1570 года, Магнуса с войском в Эстляндию, но предприятие потерпело крушение при осаде города Ревеля. Эта неудача сильно напугала Иоаннова вассала, в особенности тогда, когда два его пособника, Таубе и Крузе, авторы проекта ливонского королевства, бежали в Польшу, чтоб избежать царского гнева. Магнус опасался и для себя царской опалы, вследствие чего удалился даже на остров Эзель. Но Иоанн продолжал оказывать благосклонность своему вассалу: он выдал даже за него замуж свою вторую племянницу Марию Владимировну, когда первая умерла (12-го апреля 1573 года). Однако царь не питал уже к нему прежнего доверия, боясь измены с его стороны. Магнус должен был удовольствоваться только двумя замками, Каркусом и Оберпаленом, которые царь пожаловал ему во владение. Король-неудачник жил здесь со своей юной женой в весьма бедной обстановке и в постоянной тревоге за свои владения, ибо они подвергались опустошениям не только со стороны Шведов, с которыми московский государь вел войну, но и со стороны отрядов,

находившихся на службе Речи Посполитой, несмотря на перемирия, которые она заключала с Москвой¹, так как Иоанн тоже не соблюдал в точности перемирных договоров.

Речь Посполитая, как мы видели выше, старалась обезопасить Ливонию от притязаний Иоанна путем дипломатических переговоров, что ей и удавалось делать. Существенной же защиты она не могла оказать стране, так как на это в казне не было средств.

Между тем Ливония была страшно опустошена, силы ее истощены; кроме того, в умах населения царила полная неуверенность в том, чем оно владело, а нравственное состояние его отличалось величайшею неустойчивостью. В то время как одни выказывали полную преданность Речи Посполитой, другие готовы были изменить ей во всякую минуту. По стране сновали тайные агенты, которые возбуждали жителей против польско-литовского владычества. К довериению бедствий, ей постоянно угрожало нашествие неприятеля, который действительно иногда и вторгался в ее пределы и производил опустошения. Вопреки перемирию московские войска вторглись в декабре 1572 года²; в начале 1575 года они захватили замок Салис³, в июле того же года завладели городом Перновом, причем во всех этих походах они производили страшные опустошения в стране и страшные жестокости над жителями⁴. После взятия Пернова ливонцами овладела сильная паника: многие искали спасения бегством в Ригу. Решено было обратиться за помощью к Речи Посполитой, чтоказалось самою настоятельной необходимостью, так как Иоанн соглашался соблюдать мир с польско-литовским государством, за исключением Ливонии⁵. Просьба ливонцев была удовлетворена, но помощь оказана ничтожная. Администратор Ливонии Ходкевич двинулся было с отрядом в 2000 человек против Русских, но вследствие малочисленности своего отряда мог отнять у врага только замок Руин⁶.

¹ Busse, 56—79.

² См. выше.

³ Busse, 91.

⁴ Orzelski, II, 166.

⁵ Busse, 95 и см. выше.

⁶ Busse, 95—96.



Сознавая слабость своих сил, Литовцы старались, как мы знаем, удержать Иоанна от завоевания Ливонии путем дипломатических ухищрений, обещая царю избрать его или его сына на престол. Эти ухищрения увенчались успехом. Посылая в Литву Луку Новосильцева, Иоанн обещал и в ливонскую землю рати не посыпать¹. Это обещание обезопасило Ливонию от неприятельских нападений на очень короткое время.

В начале октября 1576 года Магнус напал на замок Лемзаль и завладел им в отмщение за нападение, произведенное курляндскими дворянами на его замок Амботен². Это случилось уже в царствование Стефана Батория.

Страдая от этих неприятельских вторжений, неуверенные в безопасности своего имущества и своей жизни, ливонцы сваливали вину на правительство Речи Посполитой: они осуждали особенно сильно нерадивость администратора Ливонии Ходкевича, обвиняя его даже в тайном пособничестве видам московского государя. Но эти обвинения были, как мы знаем, совершенно неосновательны. Ливонцы жаловались также и на то, что их страна не была включена в перемирный договор, как будто бы она не входила в состав Речи Посполитой; между тем Ходкевич уверял, что перемирие распространяется и на Ливонию, и вследствие этого требовал, чтобы никто в Ливонии не вооружался, ибо это раздражает могущественного соседа и колеблет мирные отношения, в которых состоит с ними Речь Посполитая. В этих обвинениях заключалась весьма малая доля истины: как нам известно, Иоанн только в 1575 году явно исключил Ливонию из перемирного договора, но затем через Новосильцева дал обещание не вести войны и в Ливонии. Речь Посполитая действительно защищала слабо Ливонию, но, может быть, не хуже, чем свои другие области, ибо ее постоянные вооруженные силы были ничтожны; дипломатия же прилагала все свои усилия к тому, чтобы поддержать мир с московским государством.

¹ Акты Зап. Рос., III. 182, № 60. Дата документа 1574 год неверна, ибо Лука Новосильцев отправлен был из Москвы в конце августа 1575 г. (см. Бантыши-Каменский, оп. сіт, стр. 145: Щербатов, т. V, ч. 2, стр. 367).

² Busse, 100.

Если ливонцы жаловались на то, что Речь Посполитая слабо их защищает и даже не позволяет им самим защищаться и в этом усматривали главную причину своих бедствий, то они забывали, что польско-литовское правительство не могло питать к ним доверия, так как в стране гнездилась измена.

Многие замки находились в руках немецких начальников, состоявших в сношениях с врагами Речи Посполитой и ставивших в стеснительное положение тех, которые оставались преданными польско-литовским властям. Вероломство ливонцев сделалось, по словам Батория, их обыденным пороком¹. Ввиду этого Ходкевич опасался созывать послеполитое рушение в Ливонии, ибо оно могло обратить свои действия против Речи Посполитой, запрещал производить вообще какого бы ни было рода вооружения².

Администратор был так раздражен против вероломных ливонцев, что на просьбу их о помощи заявил, что помочь им он не в состоянии, а если бы он и мог это сделать, то он не прислал бы им в виде вспоможения даже и никуда не годную корову³.

Стефан Баторий делал все, что только мог, чтобы усилить оборону Ливонии: посыпал туда войско, какое для этой цели имелось у него в распоряжении⁴, приказывал исправлять ливонские замки, увещевал Ходкевича отправиться в управляемую им область и устраниТЬ тех начальники крепостей, которым нельзя было доверять, уговаривал Ливонцев не скучиться деньгами на отражение врага и т.п.

К тому же король рассчитывал еще на успех дипломатических переговоров, хотя и не вполне. Снарядив великолепное посольство, он известил Иоанна об этом и предлагал пока соблюдать перемирие по всем границам обоих государств, но Иоанн в своем ответном письме Ливонию обошел молчанием, что встревожило короля.

¹ См. письмо Батория (3 II, 1577) к Ходкевичу в приложении № IV.

² Так надо понимать запрещение его вооружаться кому бы то ни было (см. Апология, I. с. 429), ибо в противном случае оно теряет всякий смысл.

³ Apologia, I. с. 430, примеч. 41.

⁴ Акты Зап. Рос., III, 202, № 76.



Выезд Ивана Грозного на борьбу с Ливонией. Художник Г.Э. Лесснер

Отправление великих послов в Москву замедлилось вследствие болезни мазовецкого воеводы Станислава Крыского¹.

Между тем приходили весьма тревожные вести из Ливонии: туземные и иностранные купцы извещали, что царь собирает громадные силы в Пскове и готовится опустошать огнем и мечом Ливонию. Ввиду этого ливонские каштеляны просили короля выслать войско по направленно к Пскову, чтобы преграждать движение врагу². На эту просьбу Баторий мог ответить только обещанием удовлетворить ее, но исполнить не был в состоянии, так как война с Данцигом была в самом разгаре³.

Усилия короля не увенчались желанным успехом: Речь Посполитая начинала только еще готовиться к отражению врага, когда он нагрянул на Ливонию.

¹ Акты Зап. Рос., III, 209—211, № 82.

² Zrodia dziejowe, IV, 172, № CIV. Castellani ultradunenses ducatus Livoniae ad Regiam Majestatem de patria a lioste defendenda из Венедена, 26, V, 1577.

³ Regia Majestas Livoniae auxilium contra hostem, se allaturum promittit из-под Данцига, 14, VI, 1577. Zrodia dziejowe, IV, 199, № CXXIV.

Решив еще в феврале занять ее вооруженной силой, Иоанн стал делать соответствующие приготовления. Главными сборными пунктами для войск были назначены Новгород и Псков, а чтобы усыпить внимание настоящего врага, был пущен слух, что это сборы в поход против Ревеля¹. Действительно, московские войска осаждали этот город зимою 1577 года, но неудачно, так что слуху можно было поверить².

Приготовляясь к войне с Речью Посполитой, Иоанн в то же время возобновлял проект ливонского королевства, на иных только условиях, и возобновлял, конечно, с той целью, чтобы легче было осуществить планы своей политики. Орудием ее опять явился Магнус.

Положение этого короля, короля только *de nomine*, было очень тягостно, и он захотел выйти из него как-нибудь. Получая сведения об энергических действиях Стефана Батория, он стал подумывать о приобретении его покровительства для себя, т.е. об измене Иоанну. Уже в конце 1576 года³ он вошел посредством польских офицеров в Ливонию в сношения с Ходкевичем, обещая передать Баторию Иберполь, Каркус, Лемзаль и другие свои замки, если будут приняты предлагаемые им условия⁴. Затем он обратился по этому делу к посредничеству курляндского герцога, и так начались переговоры с самим Стефаном Баторием⁵. Конечно, их старались вести в совершенной тайне, однако слух об них дошел до Иоанна. Предполагая, что измена его может быть легко открыта и опасаясь вследствие этого попасть в руки Москвитян, Магнус стал переезжать из одного замка в другой, что еще более усилило подозрительность Иоанна. Тогда царь приказал арестовать своего вассала, которого он подозревал в вероломстве, но Магнусу удавалось некоторое время избегать московских отрядов, высланных с целью задержать его⁶.

¹ Акты Зап. Рос., III, № 82.

² Busse, 104—105. Осада Ревеля продолжалась от 23-го января до 13-го марта.

³ Но не в начале 1577 года, как представляет дело Буссе, 106—107.

⁴ Письмо к Ходкевичу.

⁵ Busse, 106—107.

⁶ Письмо к Ходкевичу.



Положение Магнуса было критическое. Чтобы выйти из него, он притворился в полной преданности своему сюзерену. Иоанн потребовал его к себе во Псков, куда он, конечно, волей-неволей должен был поехать, чтобы оправдаться перед царем. Оправдания эти имели успех до известной степени. Иоанн поверил им или по крайней мере показал вид, что им верит. По особенному соглашению Магнус получил от Иоанна область к северу от реки Аа (частью этой области он уже владел) и к югу город Венден. Ливония между Аа и Двиною переходила во владение Иоанна; занимать здесь отдельные пункты Магнус имел право только с Иоаннова соизволения¹.

Прежде чем выступать в поход на Ливонию, Иоанн отправил сюда разведочный отряд Татар, чтобы узнать, каковы силы страны. Польский полковник Матвей Дембинский пытался было остановить движение татарской конницы, но вследствие малочисленности своего отряда был разбит и обращен в бегство. Когда Татары донесли Иоанну, что войска в Ливонии ничтожны, он двинулся в поход из Пскова², имея с собою до 30 000 человек³ (13-го июля).

Еще раньше (9-го июля) из Новгорода царь выслал вперед отряд в 4316 человек под начальством князя Тимофея Романовича Трубецкого, приказав ему идти на Трикат и Вольмар⁴.

¹ Rathleff, I. c. 395—396.

² Летопись Ниенштедта в Сборн. материал. и статей по истории Приб. Края, т. IV, стр. 49.

³ Иоанн прибыл в Новгород 1-го мая и отправился в Псков 13-го июля, оставив в Новгороде своего сына Феодора с боярами Борисом и Дмитрием Федоровичами Годуновыми. С царем было 16 505 человек, да при артиллерии 12 430. См. Ливонский поход I. с. № 1, стр. 101 и 103.

⁴ Ливонский поход I. с. № 3, стр. 113—114 и 119. По Grindtliecler und warhaftiger Bericlit was sicli nebenst dem Muschkowitzerscien Ueberzugk Anno 1577 in Lieflandt tzugetragen» (Mittheil. aus dem Gebiete der Gescl. Liv, Est und Kurlandt, II, 455) отряд Трубецкого достигал 10 000 человек — цифра, очевидно, преувеличенная. У Карамзина, IX, 255, примечание 460, приведена цифра в 5287 человек. С князем Трубецким царь отправил к князю Александру Полубенскому, коменданту крепости Вольмарса, грамоту. В этой грамоте Иоанн обосновывал свои права на владение Ливонией, опираясь на родословную государей, начиная с Адама. Император Август был, по словам Иоанна, братом Пруса, который, отправившись в страну, получившую от его имени свое название, основал здесь города: Гданск, Хойницу, Торунь, Маль-

Трубецкой произвел сильное опустошение и избиение жителей в окрестностях замков Триката, Вольмара, Нитау, Зегевольда, Трейдена, Кремона и других¹ и таким образом достиг Западной Двины у замка Крейцбурга².

Между тем сам Иоанн подступил к замку Мариенгаузену (16-го июля).

В укреплении находилось всего 25 человек гарнизона и 8 пищалей³. Вследствие этого сопротивление многочисленному войску Иоанна было невозможно, да и охоты сражаться у немецких солдат не было. Поэтому неудивительно, что замок сдался царю без боя, когда он послал к начальнику крепости грамоту с приказанием, «чтоб они (т.е. воины) из государевы вотчины вышли вон, а город бы Государю отвоили того часу», и вместе с тем велел обстреливать крепость⁴. Царь отпустил весь гарнизон с начальником его на свободу, приказав остаться в городе только местным жителям⁵.

Оставив в Мариенгаузене 75 человек гарнизона, Иоанн двинулся к Люцину, который тоже подчинился ему без боя (24-го июля). Начальником замка был Юрген фон-Ольденбокум. Лица, посланные в царский стан, сказали, что они верно служили королю

бор (Мариенбург). От Пруса происходил Рюрик, у которого был потомок князь Мстислав Святославович, получивший при крещении имя Юрия. Этот последний (?) покорил Ливонию и основал здесь замок Юрьев, который называется теперь Дерптом. Он, Иоанн, преемник по прямой линии от Мстислава Святославовича, а потому и законный, наследственный владетель Ливонии. Царь увещевал князя Полубенского выехать из Вольмара и отдать ему Ливнию без сопротивления. См. Литов. Metr., II, № 16.

¹ Об этих опустошениях говорит Баторий в письме к Иоанну от 30-го июля, см. Metr. Litov., II, № 15; то же самое и в Grindtl. Bericht I. с. II, 455.

² Grindtl. Bericht, I. с. II, 455.

³ Во Влехе было «людей всякого человека 25 человек, да в городе-же тутовых людей жильцов 20 человек». А по взятии укрепления оказалось: «на городе 2 пищали полуторных в стенах на колесах, 2 пищали невеликих грановитых, 3 пищали скорострельных со вкладинами, 1 попорчена, да 9 ядер свинчатых; да на городе-же, на деревянной стене, пищаль невелика полковая грановитая на колесах». Ib., № 4, стр. 142 и 143. Грамота царя о сдаче Влеха у Щербатова, Ист. Рос., т. V, ч. 4, стр. 169—170, № 26.

⁴ Ливонский поход I. с. № IV, стр. 137.

⁵ Ib., № IV, стр. 138.



Руины Люцина

Жигимонту-Августу, но что «за Стефаном быти не хотели и ему не присягнули и по се время, а надеялись на Государя, что их Государь пожалует под сильную руку возьмет для того, что Лифляндская земля вотчина государева». Когда их спросили, почему они в таком случае до царского прихода бить челом государю не присыпали, они ответили, «что надеялись на Государя, а иное чаели себе помочи от Цысаря и от Цысаря о том присылка к нам не бывала и помочи себе от него не почаяли; а коли ныне пришел под город под Лужу Государь царь и великий князь, ино город да они в Божей, да в царских руках»¹.

Немцы, находившиеся в крепости, изъявили желание служить московскому государю. А потому Иоанн приказал отправить их в Москву и «разобрав, устроить поместьми и деньгами; а которые при-

¹ Ib. № IV, стр. 147. По Grndl. Bericht I. c. II, 455. Люцин взят 26-го июля, по Erberml. und Klegl. Zeit. (Beitrage zur Kunde Ehst, Lsimd Kurlands, II, 33) 6-го августа.

годятся в пушки и в стрельцы, и тех устроить жалованьем денежным и хлебным»¹.

В Люцине было оставлено 100 человек гарнизона. Намереваясь направиться затем к городу Режице, Иоанн призвал к себе бывшего начальника крепости немца Юргена фон-Ольденбокума (Юрия Букана) и отдал ему такое повеление: «ныне велели есьма тебе и твоему сыну Вернову ехать с собою до Резицы для того, как мы будем у Резицы, и ты б приказал к сыну своему Христофору, или к тем, которые в Резице державцы сидят от сына твоего, чтоб сын твой Христофор нашу отчину город Резицу нам отдал потому ж, как ты нам город Лужу очистил и крови б на себя сын твой тем не навел и наша ярости не взводил». На это «немчин Юрий Букан и сын его Вернов Государю били челом: мы подданы твоего Царского Величества на твоей великой милости челом бьем. И царь и великий князь немчина Букана и сына его Вернова пожаловал, велел им быть у стола».

Режицею Иоанн овладел, не произведя и одного выстрела (27-го июля). Лишь только царские войска подступили к городу, как тотчас же вышли из него «мызники и били челом Государю царю и великому князю, что город Резица Божья да его государева вотчина, а их бы Государь пожаловал, велел устроити в своих государевых городах, потому ж как Государь пожаловал и лужских немец». Вследствие этого Иоанн милостиво обошелся со сдавшимися Немцами и также принял их на свою службу².

Оставив в крепости 178 человек войска, Иоанн направился к Динабургу (Невгину). Начальником гарнизона был здесь поляк Соколин-

¹ Ib., № V, стр. 99. Ввиду этого неверно утверждение немецких историков, что немецкие воины с женами и детьми были временно отведены, как пленные, в Псков, а литовско-польские гарнизоны отпускаемы на волю в знак того, что царь ведет войну только с Ливонией, но с Поляками соблюдает мир, см., напр., G. Bathleff, Der Pall «Wenden's», I. c., стр. 399.

² Ib., № V, стр. 102. По Grndl. Bericht (I. c. II, 455) Режица взята 30-го июля, по Elrberml. Zeitung (I. c. II, 133), 8-го августа. Утверждение последнего источника, что Иоанн начальников в Люцине и Режице взял в плен, «und sie neben aller ritterscliaft und untersassen mit weib und verfurend und sie alle geplündert», должно быть признано неверным ввиду ясного свидетельства «Ливонского похода».



Руины Квадратной башни Динабургского замка

ски¹, который, выслав в царский стан двух Немцев, объявил, что сдает город на всей государевой воле (9-го августа). Иоанн велел расспросить сдавшихся, хотят ли остаться у него на службе или получить свободу, обещая, что тех, «которые похотят на его государево имя и Государь их пожалует на свое имя, взять их велит и устроит, как им быти; а которые на государево имя не похотят, а учнут бити чelом, чтоб их Государь пожаловал, велел им дати повольность, и Государь пожалует, отпустить их велит». Невгинские люди били чelом, чтоб их государь пожаловал, велел им дать волю.

Иоанн не только дал им свободу, но и удостоил их особой милости, пригласил к своему столу и пожаловал им шубы и охобни.

В Динабурге оставлены были 350 человек и значительная артиллерия².

¹ См. письмо Ходкевича к Баторию в приложении № XI. В «Ливонском походе» начальник гарнизона назван Станиславом Денинским, что, конечно, неверно.

² О сдаче Динабурга ib., № V, стр. 103—108. Артиллерия, оставленная Иоанном в крепости, состояла из 7 пищалей медных, 3 пищалей скорострель-

По пути к Лаудону (не доходя 3 версты от него) Иоанн послал отряд в 200 человек к Крейцбургу под начальством Елчанинова. Последний (6-го августа) донес царю, что «он приехал под город, аже город горит, а ворота де городовые, выгорев, завалились». Тогда Иоанн приказал «досмотрити того, доехал ли Иван Елчанинов до Круцборха или не доехал?» Посланый принес царю известие, «что он под Круцборхом был и про Ивана Елчанинова сказал, что он ж с детьми боярскими и с стрельцами стоит у города у Круцборха, а в город ехати ему нельзя, потому что де город горит и ворота у города выгорели». Город был зажжен, очевидно, отрядом кн. Трубецкого, достигшим Западной Двины у этого именно пункта.

Иоанн приказал Крейцбург осмотреть, и из осмотра оказалось, «что в городе в Круцборхе старого города стена разсыпалась вся, а в вышегороде дома погорели все, а в вышке мосту и кровли нет»¹.

Затем царь двинулся к Лаудону, который подчинился добровольно. Лаудонские немцы были отпущены за Двину, но «Левдун велел Государь разорить»².

Когда Иоанн подступил к Зессвегену (Чиствину) и послал к «чиствинским людям грамоту, чтоб чиствинские люди город Чиствин Государю очистили без кровопролития», чиствинские Немцы грамотой, по-немецки писанной, ответили, что они хотят «Королевскому Величеству польскому верны быти и целованья забыти» не хотят. Царь послал вторую грамоту, но посланный в город Латыш принес ее назад и сказал, «что у него той грамоты не взяли, а хотели его застрелить». Тогда Иоанн расставил полки, чтобы силою принудить сопротивляющихся к сдаче. Но из города явился в московский стан перебежчик, один Немец, который на допросе заявил, «что в городе большой человек Немчин Ернист фон-Минин да мызников 12 человек, и Ернист ранен, застрелен из лука и с тое раны умирает, чаю и умрет, а его Волка Амоса Ернист и все мызники Царскому Величеству послали бити человеком, чтоб их Царское Величество пожаловал, от

ных железных да 104 пищалей затинных, да зелья в 18 бочках 50 пуд, да полбочки ямчоги, да ко всем пищалям 1000 ядер, 50 прутов свинцу, да в прибавку оставлено 2 пищали полуторных.

¹ Ib., № V, стр. 109—110. В Крейцбурге оставлено 80 человек гарнизона.

² Ib., № V, стр. 112.





смерти живот дал, а из города выпустить велел, а они Государю город отворят и во всей воли государской учинится».

Царские бояре поставили им в вину, что они «своровали, грамоты царские не взяли». Немцы сознались в вине, что «по первой грамоте города не отворили, в том пред Государем виноваты, в милости и в казни волен Государь».

Того же дня пришли в царский стан другие Немцы из города и тоже просили для себя щады. Но бояре им сказали: «нынча вы у Государя милости просите, а дотудова Государь к вам писал две грамоты, чтоб вы город отворили, а государь вам милость покажет, как будет пригоже; и вы того не послушали, и Государю нашему как вам в том милость давать». И затем летописец лаконически замечает, что «августа в 20-й день Бог поручил Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси город Чиствин», обходя, очевидно, молчанием те казни, которым были подвергнуты жители его за сопротивление¹.

Из немецких источников мы узнаём, что начальников города четвертовали, разрывали на части лошадьми, сажали на кол и рассекали саблями, а женщин подвергали насиливанию².

Оставив в Зессвегене 120 человек гарнизона и соответственную артиллерию³, Иоанн того же 20-го августа послал отряд войска в 2013 человек к городу Шванебургу (Гольбину); на следующий день город был разорен, а артиллерию⁴ его перевезена в Зессвеген.

После того Иоанн взял (22-го августа) Берсов (Борзун), где оставил 140 человек гарнизона и артиллерию, состоявшую из 38 пищалей и 7 самопалов⁵.

¹ Ib., № V, стр. 121.

² По Wahrh. erberml. Zeitung 1. с II, 134. Тот же летучий листок напечатан также в соч. Г.В. Форстена, Балтийский вопрос, I, стр. 668, прим. 1. По Grimdtl. Bericht i Zeitung, взятие Зессвегена последовало 21-го августа.

³ 4 пищали медных, да 30 пищалей затинных, да пушку железную верхнюю, да тюфяк, да на город часы боевые.

⁴ 2 пищали сороковые на колесах меденыи, да пищаль мединая, да 2 тюфяка железных, да пищаль железная, да 2 пищали железных городовые тюфяки полуторы пяти, да 77 пищалей затинных.

⁵ Об этом Розрядная книга так выражается: а наряду в городе и в остроге тутовищного 11 пищалей скорострельных, да 13 пищалей затинных, да тюфяк, да зелья в палатке в трех бочках пудов с 5, до 400 ядер железных и свин-



Затем Иоанн направился к Кокенгаузену (Куконосу). Когда он находился уже вблизи города (на последнем стане), приехал к нему оттуда князь Иван Белосельский с грамотой от короля Магнуса и донес, что последний взял Венден (Кесь) и послал отряд в 50 человек занять Кокенгаузен.

Здесь необходимо сказать несколько о деятельности Магнуса в это время. Когда московские войска произвели вторжение в Ливонию, он обратился с воззванием к Ливонцам, уверяя их подчиниться московскому государю: силы их ничтожны, помохи ждать неоткуда, а царь идет с грозною силою; подчинение смягчит его гнев и остановит его дальнейшее движение. Он, герцог, находится в добром согласии с московским государем, а потому можно положиться на его помощь. Мало того, его, герцога, предприятия в Ливонии одобряются империою и императором и покровительство их Ливонии обеспечено. Ливонское государство будет состоять под управлением голштинских герцогов или в случае прекращения их династии — под управлением герцогов мекленбургских.

Это воззвание так подействовало на ливонцев, что они возмутились против польско-литовского владычества, изгнали из многих городов польские и литовские гарнизоны и 14-го августа в Вендене провозгласили Магнуса своим королем¹.

Жители Кокенгаузена передались тоже на сторону Магнуса и просяли его прислать им поскорее войско для защиты. Город был вне пределов, определенных псковским договором, а потому Магнус не имела права занимать его без ведома и согласия Иоанна. Однако Магнус сделал это, чем и навлек на себя гнев царя². Он известил своего

цивовых, да к затинным пищалям 100 ядер. Да в Борзун-же оставлено наряду, что взят в Канцле мызе: 5 пищалей затинных гладких, 5 скорострельных со вкладни, да 5 самопалов свитских, да 4 пищали с змейками, да 2 пары самопалов малых, да 3 лукошки зелья, да пол 200 ядер свинцовых, да в прибавку оставлено зелья... пуд.

¹ Grundtl. Bericht, 1. с, 453 и 456. Гейдештейн (Записки о Московской войне, стр. 3, Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Angusti libri XII, 1672, pag. 117) не знает приведенного нами Магнусова воззвания и объясняет возмущение слухом, который распространял царь о том, что если Ливонцы подчинятся принцу, то он передаст последнему для управления Ливонию.

² Буссе (стр. 111), оправдывает поступок Магнуса тем, что гонец, отправленный последним к Иоанну с уведомлением о предложении жителей Кокен-



созерена уже о совершившемся факте грамотой, о которой мы сказали выше.

Царь приказал прочесть ее в присутствии бояр и дворян, и те выразили мнение, что «король Арцымагнус учинил не гораздо через договор». Нарушение Магнусом договора не ограничилось только тем, что был занят Кокенгаузен. Оказалось также, что Магнус хотел овладеть Пебалгом (Пиболдою), но русские, находившиеся здесь, не допустили до этого: ограбив немцев, они отпустили их к королю.

В своей грамоте Магнус перечислял города, которые ему сдались, и в числе их были такие, которые не были уступлены ему Иоанном. Ввиду всего этого царь приговорил послать к королю грамоту, «выписав его непригожее дело, которое он через договор чинил»¹.

Иоанн писал, между прочим, следующее своему вассалу: «Пришли к нам твои люди, а того не ведомо, кто имянем писал, твою грамоту, а в твоей грамоте писано, что тебе сдались город Кесь (Венден), город Нитов (Нитай), г. Шкуин, г. Зборск, г. Голбин (Шванебург), г. Чиствин (Зессвеген), г. Тыржин, г. Пиболда, г. Лавдун, г. Борзун, г. Канцлов, городок Ерла, городок Фес, городок Леневард, городок Воршевад, городок Сунжел, городок Роденож, городок Кокенгауж. И по той по твоей грамоте, сложись с нашими недруги, нашу вотчину отводишь, а которая у них казна и ты тое казну у нас теряешь; а как если у нас был в Пскове, и мы тебе тех городов не поступывались, одну если тебе позволили доставити Кесь, да те городки, которые на той стороне Гови (Аа) реки, и ты в те городки вступился неподельно... А будет тебе не ничем на Кеси и на тех городках, которые за Говою сидят и ты поди в свою землю Езел да и в Датскую землю за море, а нам тебя имати нечево для, да и в Казань тебя нам ссылали; то лучши только поедешь за море, а мы с Божиою волею очистим свою отчину Вифлянскую землю и обережем»².

гаузена, слишком замешкался в дороге, между тем обстоятельства были таковы, что требовали поспешного образа действий. Со стороны войск Речи Посполитой опасность Кокенгаузену не угрожала, след., поспешность Магнуса объясняется только желанием предупредить занятие города московскими войсками.

¹ Ливонский поход, 1. с, № V, стр. 127—128.

² Ливонский поход, 1. с, № V, 95—96.

Sehr gewliche/erschreckliche / vor vnerhörte / warhaftige Nire zeitung/ was für grausame Tyranny der Moscouiter/ an den Gefangenen hinweggefüttert Christen aus Lyßland, beydes an Mannen und Frauen, unck Frauen unnd kleinen Kindern, begeshtet ist/ und was täglich Schadens er inen in jtem Land zufüget. Dey neben angezeigt/ in was grosser Fahr endt noch die Lyßlender Sticken. Allen Christen zur warrung und bestetting ihres Sündlichen lebens/ auf Lyßland geschiubben / und in Druck verfertiget.



zu Nürnberg bey Georg Kreydlein. M. D. LXL

Русские войска в Ливонии. Летучий листок. 1561 г.



25-го августа Иоанн послал к Кокенгаузену отряд в 2059 человек под начальством воевод окольничего князя Петра Ивановича Татева и Даниила Борисовича Салтыкова. Немцы не хотели пустить их в город, требуя, чтобы они показали им грамоту короля Магнуса, разрешающую занять город. За такое противодействие воеводы, войдя в Кокенгаузен, приказали перевязать Немцев и донесли об их сопротивлении царю. Прибывший к Кокенгаузену Иоанн «за королевы Арцымагнусовы непригодные дела, что он через договор учинил, приказал и велел тех немец казнити смертью» и оставил в живых только трех, четырех человек, чтоб было с кем отослать к королю государеву грамоту. Царево приказание было исполнено в точности: в живых оставлены только «толмач Аин да служивый немчин Ганус Берг»¹.

Оставив в Кокенгаузене 1007 человек гарнизона и значительную артиллерию², Иоанн двинулся к Эрли. Между тем отряд в 796 человек детей боярских и 700 стрельцов под предводительством Богдана Яковлевича Бельского взял Ашераден (26-го августа). Старик ландмаршал Каспар Мюнстер был подвергнут Москвитянами сечению рогами, а затем сброшен со стены и умерщвлен, другие пленники обезглавлены, женщины заперты в саду и отвратительным образом изнасилованы³.

Находясь у Эрли, Иоанн узнал, что Магнус послал отряд в 80 человек занять Вольмар⁴. Здесь начальником гарнизона был князь Александр Полубенский. Он находился в самом критическом положении: гарнизон не имел продовольствия в достаточном количестве, а кре-

¹ Ливонский поход, 1. с. № VI, стр. 84 и след. Описывая взятие Кокенгаузена, Ратлэф говорит, между прочим (1. cit., стр. 404), что Поляки были отпущены на волю, но заимствует этот факт неизвестно из какого источника. Мы знаем, что Поляков и Литовцев в городе не было, ибо с приближением к нему московских войск литовско-польский гарнизон покинул его, см. Grundtl. Bericht, II, 458.

² 8 пищалей и больших и средних медных по 4 гравенка ядро, да 2 пищали скорострельных, да 5 тюфяков, да 57 пищалей затинных долгих, да 12 пищалей затинных коротких, да 12 рушниц, да в прибавку оставлено 5 пищалей полуторных, да из Керепети велено перевезти пищаль гладкую, зелья 500 пуд.

³ Wahrhaf. erbermliche Zeitung, 1. с. II, 134. То же самое сообщает и Гейденштейн (3—4): по его словам, женщины были отданы на поругание Татарам.

⁴ Ливонский поход, 1. с. 1853 г., № V, стр. 104.



Осада войсками Ивана Грозного ливонского города во время Ливонской войны 1558—1583 гг. Художник Ф.А. Модоров

пость — орудий для защиты; между тем помощь из Литвы, несмотря на самые настоятельные просьбы Полубенского, не являлась¹. Поэтому неудивительно, что отряд Магнуса легко завладел Вольмаром. Узнав об этом, Иоанн отправил к Вольмару войско (в 2603 человека) под предводительством Богдана Яковлевича Бельского и Дементия Ивановича Черемисинова, дав воеводам такой наказ. Когда они прибудут к городу, пусть пошлют к начальнику немецкого гарнизона требование выехать из города или впустить в город присланный царем отряд. Если Немцы выедут, тогда Бельскому и Черемисинову «Немец переймати и самим ехати в город, а мелких людей побити»; оставить в живых только начальника и лучших людей. Полубенскому, который, по слухам, сидит еще в Вольмаре (в Вышгороде), Иоанн приказал обещать свою милость и отпуск к королю Магнусу. Когда Полубенский выедет из крепости, следует пристава к нему приставить и обходиться

¹ См. письмо кн. Полубенского из Вольмара, от 8-го августа в Acta Stephani regis, 88, № LXI. Письмо князя с его собственноручной подписью находится в рукописи библиотеки главного штаба (80—1—8).



с ним хорошо, но казну и лошадей у него отнять. Если Немцы и Полубенский запрутся в Вольмаре, то воеводы должны промышлять над городом «государевым делом, по государеву наказу». Если Полубенского не будет в городе, тогда воеводам под городом не стоять, аозвращаться к государю; а если они узнают, что Полубенский находится от них в верстах 20-ти или 30-ти, то преследовать его и догнать. Воеводы стали действовать согласно царскому приказу.

Полубенского нельзя было сразу найти: одни говорили, что он находится уже в Вендене, а другие, что сидит еще в Вольмаре¹. Между тем Немцы не хотели пускать Русских в город; поэтому Иоанн приказал своим воеводам промышлять над ними. Во время осады крепости Полубенский попал в руки осаждающих и отведен был к Иоанну. Царь обошелся с ним милостиво: он отпустил вскоре затем пленника на родину².

Пока происходила осада Вольмара, Иоанн взял крепость Эрлю³ и после этого усилил артиллерию под Вольмаром посыпко новых

¹ Ливонский поход, I. c., № V, стр. 105—107.

² Буссе (*Mittheil. aus dem Geb. der Gesch. Liv. Ehst und Kurlands*, II, 419), а за ним Ратлеф (I. c., 405) утверждают, что Полубенский намеревался перейти на сторону Иоанна и желал передать ему Вольмар и другие крепости (последнее утверждает только Ратлеф). Это утверждение историки обосновывают на весьма подозрительном свидетельстве Апологии, которая старается обелить в глазах Стефана Батория Ливонцев, представляя их подданными, вполне преданными королю; если ливонские крепости так скоро сдавались Иоанну, то в этом виноваты нерадивые польско-литовские начальники, из которых Полубенский готов был даже изменить королю. Между тем поведение Полубенского (см. ниже, стр. 61), его письмо к государственным чинам Литвы, на которое мы выше ссылались, свидетельствуют о полной преданности его Речи Посполитой. Если он дал знать Иоанну о сношениях Магнуса с польско-литовским правительством, то сделал это, очевидно, с той целью, чтобы погубить Магнуса, который хотел в одно и то же время служить двум враждовавшим между собой сузеренам и при нападении Иоанна на Ливонию явно действовал во вред интересам Речи Посполитой. Идем дальше. Ратлеф (I. c., 406) утверждает, что при занятии Вольмара отрядом Магнуса Полубенский был взят обычателями города и Магнусовыми солдатами в плен и отведен к Магнусу в Венден, откуда Иоанн вытребовал пленника к себе. Это утверждение противоречит показанию самого Полубенского, который в письме к начальнику крепости Трикаташа говорит, что он «добыт на Володимирце», притом «взят моцью» (Ливонский поход, I. c., № VI, стр. 91—92).

³ Ратлеф (оп. cit., 404) говорит, что здесь, как и в Ашерадене, произведена была ужасная резня: «die Leichen blieben auf einem Haufen liegen, den Hun-

орудий. 1-го сентября Бельский и Черемисинов стали делать приготовления к штурму. Тогда осажденные произвели попытку прорваться сквозь ряды осаждающих, но большая часть их была перебита; в живых остались только 12 человек и начальник гарнизона Георг Вилькин¹.

29-го августа сдался Иоанну Ленсвард. Город занял своим отрядом Магнус. Но взятие Кокенгаузена так напугало Немцев, что они добровольно подчинились царю².

Из Эрли Иоанн направился к Шуину, но миновал этот город и пошел к Вендену, к которому он прибыл 31-го августа. Он тотчас же потребовал к себе Магнуса. Последний побоялся явиться лично к царю; он послал к своему сузерену только двух посланцев. Их наказали кнутом и послали сказать королю, что он сам должен прийти к своему повелителю. Сопротивляться являлось безумством, ибо силы были слишком неравны. В сопровождении небольшой свиты из 25 человек поехал Магнус в царский лагерь. Здесь его немедленно арестовали, отняли орудие и привели к Иоанну. Лишь только он увидел царя, как тотчас же сошел с коня и бросился на колени умолять о пощаде. Сверх ожидания, царь принял его милостиво. Но в это время раздался выстрел из крепости и ядро про летело мимо самой головы Иоанна. Подозрительный царь усмотрел в этом адский умысел на свою жизнь. Разразившись сначала потоками браны, он ударил затем в припадке гнева своего вассала по лицу³, приказал взять его под стражу и держать в полуразвалившейся избе. После этого гнев царя обратился на тех, которые,казалось ему, посягали на его жизнь.

den und Pögeln zum Prasse». Мы не знаем, из какого источника историк заимствовал эти подробности. В Эрле оставлено было 100 человек и наряду 3 пушки медные, 20 пищалей затинных, 30 гриненок зелья, да еще 30 пуд зелья. Ливонский поход, I. c., 1853, № V, 104.

¹ Ливонский поход, 1853, № V, 109—110. В Вольмаре оставлено 545 человек, 71 пушек, 81 пищаль затинная, 10 скорострельных, 26 бочек зелья, да привалено еще 300 пуд зелья.

² Ib., № VI, стр. 85—86. В Ленсварде оставлены 202 человека, 2 пушки, 2 пищали медные, да затинных 12.

³ Этую подробность сообщает Гейденштейн, 4.



Город был уже занят царскими войсками, ибо Магнус, еще до своего свидания с Иоанном, распорядился открыть городские ворота. Выстрел из крепости раздражил Москвитян, вследствие чего они при занятии города произвели немалую резню. Те, которые избежали ее, спаслись в замок. 1-го сентября началось жестокое обстреливание крепости, продолжавшееся до 5-го сентября. Положение осажденных становилось с каждым часом ужаснее. Их мучил голод и жажда, ибо не только хлеба, но и воды не хватало; между тем средства к защите истощались. Несчастным предстоял один конец — смерть. Однако и в этом безысходном положении был выбор. Смерть в руках врага, если он возьмет крепость, соединена была с ужасными мучениями; самоубийство от них освобождало; мало того, оно окружало погибших блестящим ореолом геройского мученичества. Страх и отчаяние, благородство и мужество слились в одно, и осажденные приняли решение — умереть добровольно. Решено было взорвать замок на воздух. С этой целью в замковой часовне приготовили несколько бочек пороха. Капитан Генрих Бойсманн поджег порох, последовал взрыв, который под развалинами замка похоронил много жертв. Однако борьба и после того не прекратилась: она происходила в нижних частях крепости, уцелевших от взрыва. Осаждающие врываются сюда, но следует новый поджог мин, новый взрыв, и жесточенная борьба прекращается¹.

Овладев Венденом², Иоанн отправил в Триккатен к польским начальникам крепости Яну Бычковскому и Щенсному Малиновскому

¹ Подробное описание осады Вендена, основанное на критическом исследовании источников, дает Раттлеф (оп. с. 407—416). Взрыв крепости — несомненно геройский подвиг. Поэтому нельзя согласиться с мнением проф. Форстена, утверждавшего, что «осажденными, представлявшими из себя пеструю смесь наемников, немцев и иностранцев, католиков и протестантов, руководило не высокое, благородное мужество, а страх и отчаяние» (Балтийский вопрос, I, 672). Решимость умереть единит людей всякого звания, происхождения и исповедания и возбуждает героизм в самых трусливых натурах. Это во-первых. Во-вторых, трудно решить, какие чувства волнуют отдельных лиц в случаях подобного массового самоубийства и трудно определить, какое из чувств становится руководящим.

² Здесь оставлен гарнизон в 422 человека под начальством воеводы: кн. Григория Ивановича Долгорукого, кн. Даниила Борисовича Примкова-

грамоту с требованием отворить город, за что обещал отпустить их к их королю Стефану с женами и с детьми «безо всяких зацепок». Король Стефан, прибавляясь в царской грамоте, хочет прислать к царю послов для заключения мира, и царь готов помириться, лишь бы были только подходящие условия. Предложения были заманчивы, сопротивление же невозможно, тем более что на помощь Речи Посполитой нечего было рассчитывать¹, и Триккатен был сдан комендантами².

Несколько раньше сдался Иоанну Роненбург. Эту крепость долгое время защищал мужественно от войск Магнуса Полубенский, находившийся здесь до своего переезда в Вольмар: он отбил нисколько приступов врага и принудил его отступить от крепости. Но переехав в Вольмар и попав в плен, он, по желанию Иоанна, написал грамоту к начальникам гарнизона в Роненбурге о неизбежной необходимости сдать крепость царю, что те и сделали³.

Взяты были еще замки Смилтен, Шуйен и Юргенсбург⁴. Так Иоанн завладел почти всей Ливонией, не встречая почти нигде в открытом поле сопротивления. Небольшой отряд в 100 всадников, наткнувшийся на московские войска при Эрли и Нитай, принужден был вступить с ними в сражение, но, конечно, без всякого успеха⁵. Военные силы Речи Посполитой в Ливонии были ничтожны. Князь Христофор Радзивилл командовал здесь отрядом в 300 всадников, стоявшим в Кокенгаузене. Ввиду ничтожности собственных сил и

Ростовского, Ивана Ивановича Клешнина и кн. Григория Михайловича Елепекого; кроме того, пушка дробовая, 8 пищалей девятиядных, 4 полуторных, 2 семипядных, 2 скорострельных, 77 затинных, 400 ядер и 305 пудов зелья, Ливонский поход, I. с., VI, стр. 89—90.

¹ В таком смысле писал, по желанию Иоанна, начальникам крепости кн. Полубенский, ib., VI, стр. 91—92.

² 10-го сентября. Здесь оставлено 118 человек, 5 пищалей волконетов медных, пушечка полковая, 2 пищалки скорострельных, 50 затинных и 4½ бочки зелья.

³ 8-го сентября. Царь оставил здесь 320 человек гарнизона, 6 пищалей медных, 6 железных, 4 скорострельных, 88 затинных, 595 ядер и 200 пудов пороха, см. Ливонский поход, I. с., № VI, стр. 94—96.

⁴ Grundtl, Bericht, I. с., 455—456.

⁵ Ib., II, 458



Герб Ливонского ордена.

Замок в Дундаге

многочисленности врагов литовский предводитель не в состоянии был дать решительного отпора врагам, тем не менее он пытался это сделать, притом с некоторым успехом, ибо ему удалось захватить в плен и Москвитян, и Татар¹.

Но оставаться в Ливонии ввиду громадных сил неприятеля и измены со стороны самих Ливонцев, угрожавшей на каждом шагу², было бы для Радзивилла безумием, поэтому он с приближением войск

самого Иоанна к Двине поспешил переправиться на ту сторону реки. За ним последовал отряд польских гусар (тоже в 300 человек), находившийся под командою ротмистра Альберта Оборского³.

Администратор Ливонии Ходкевич держал свое войско в 4000 человек вне пределов страны, полагая благоразумно, что борьба с врагом, у которого 30 000 человек войска, невозможна⁴.

При известии о нападении Иоанна на Ливонию Стефан Баторий, занятый войною с Данцигом, не знал, что делать. Противник послал рушенья, он готов был употребить в дело даже и эти военные силы, но недоумевал, куда их направить, против ли самого Иоанна, или в пределы московского государства, чтобы отвлечь силы царя из Ливонии для защиты своих собственных владений. Король представлял выбор плана военных действий на усмотрение виленского воеводы Николая Радзивилла. Вместе с тем он советовал воеводе

¹ Об этом говорит сам Стефан Баторий в письме к Иоанну Грозному, ссылаясь на показания пленных Москвитян и Татар, см. Метр. Лист., II, № 15, стр. 26. Ввиду этого утверждение немецких историков, принимающих на веру заявление Grundtl. Bericht, I. c., II, 458 о том, что Радзивилл оставил Ливонию без боя (см. Busse, op. cit., 124—125, Rathlef, op. cit., 397—398), следует признать неверным.

² Об этом Николай Радзивилл пишет Ходкевичу.

³ Grundtl. Bericht, I. e., II, 458—459.

⁴ Busse, op. cit., 120.



нанимать поскорее солдат, потому что только при помощи их можно успешно вести борьбу¹.

Момент был действительно критический. После покорения Иоанном Ливонии опасность угрожала и самой Литве. Ввиду этого Баторий созвал литовское послополитое рушенье и назначил великим гетманом виленского воеводу Радзивилла².

Посполитое рушенье собиралось по обыкновению весьма медленно³, а когда собралось, то в таком ничтожном количестве, что о движении против врага нечего было и думать⁴.

Иоанн торжествовал: Ливония покорилась ему, истоптана была ногами его коней, по его собственному выражению. Завоевание страны он не считал нарушением договора с Речью Посполитой, ибо «николи того слова не было имяновано, что с Лифляндскою землею мир»⁵. Цель была достигнута: о дальнейших завоеваниях Иоанн не думал и готов был заключить с Речью Посполитой мир, лишь бы только Ливония признана была за ним⁶. Баторий смотрел на дело иначе.

III. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ